

Научная статья

УДК 343.1: 94(470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>**ОРГАНЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА****Игорь Викторович Зозуля^{1*}, Анастасия Алексеевна Березутская²,
Николай Дмитриевич Судавцов³**^{1, 2, 3} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Кандидат исторических наук, доцент
zozulya-igor@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3706-4274>² Специалист центра научных грантов и исследовательских программ департамента науки
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>³ Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются вопросы становления и развития органов прокуратуры пореформенного периода второй половины XIX в. и их деятельности на территории Ставропольской губернии и Терской и Кубанской областей. Показаны процессы трансформации органов прокурорского надзора в соотношении с ростом преступности в регионе и стремлением местных властей к усилению состава служащих правоохранительных органов в целом и прокурорских работников в частности. **Материалы и методы.** При исследовании темы использованы материалы, как центральных, так и местных архивов, а также часть источников, опубликованных в дореволюционной печати. Так, например, на основе статических данных ежегодных отчетов Министерства юстиции Российской империи о функционировании судебной системы страны в статье представлен детализированный анализ результатов их работы и сопряженной с нею деятельности органов прокурорского надзора и дана оценка как содержательной части их службы, так и численному составу. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что органы прокурорского надзора Северного Кавказа не только следили за исполнением российского законодательства, являясь «оком государевым», но и после проведения судебной реформы в России 1864 г. стали неотъемлемым эле-

ментом организации и проведения целого ряда уголовных и гражданских процессов, выступая в качестве стороны обвинения в суде. Состязательный процесс с участием прокурора и адвоката стал ярким примером нового пореформенного судебного законодательства, способствующего включению Северо-Кавказского региона в общероссийскую орбиту распространения гражданских прав на местное многонациональное население.

Ключевые слова: судебная реформа, правоохранительная система, прокурорский надзор, Северный Кавказ, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния

Для цитирования: Зозуля И. В., Березутская А. А., Судавцов Н. Д. Органы прокурорского надзора в правоохранительной системе Северного Кавказа в пореформенной России конца XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 76–84. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 28.12.2023

Research article

**PROSECUTORIAL SUPERVISION BODIES IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM
OF THE NORTH CAUCASUS IN POST-REFORM RUSSIA OF THE LATE 19TH CENTURY****Igor V. Zozulya^{1*}, Anastasia A. Berezutskaya², Nikolay D. Sudavtcov³**^{1, 2, 3} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St. 355017, Stavropol, Russian Federation)¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
zozulya-igor@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3706-4274>² Specialist, Center of Scientific Grants and Research Programs, Department of Science
berezutskaya.staisyvil@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-8953-9068>³ Dr. Sc. (History), Leading Researcher
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article deals with the formation and development of the procuratorial authorities of the post-reform period of the second half of the 19th century and their activities in the territory of the Stavropol province and the Tersk and Kuban regions. The article shows the processes of transformation of prosecutorial oversight bodies in relation to the growth of crime in the region and the desire of local authorities to strengthen the composition of law enforcement officials in general and prosecutors in particular. **Materials and Methods.** The study is based on central and local archive data, as well as some sources published in the pre-revolutionary press and statistical data from the annual reports of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the functioning of the judicial system of the coun-

try. The article provides a structured analysis of the results of their work and the associated activities of the prosecutorial bodies and an assessment of both the content of their service and the number of their staff. **Results.** It can be concluded that the prosecutorial oversight bodies of the North Caucasus not only monitored the implementation of Russian legislation, being an «eye of the state», but also after the judicial reform in Russia in 1864 became an integral element in the organization and conduct of a number of criminal and civil proceedings, acting as the prosecution in court. The joint prosecutor-lawyer trial was a vivid example of a new, reformed judicial legislation that promoted the inclusion of the North Caucasus region in the Russian-wide civil rights orbit in the local multinational population.

© Зозуля И. В., Березутская А. А., Судавцов Н. Д., 2024

Keywords: judicial reform, law enforcement system, prosecutorial supervision, North Caucasus, Terek and Kuban regions, Stavropol province

For citation: Zozulya IV, Berezutskaya AA, Sudavtsov ND. Prosecutorial supervision bodies in the law enforcement system of the North Caucasus in post-Reform Russia of the late 19th century. *Humanities and law research*. 2024;11(1):76-84. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.8>

Введение / Introduction. Проведение судебной реформы в России в ходе буржуазных преобразований императора Александра II, основой которых стало введение Судебных уставов 20 ноября 1864 г., стало возможным с 1868 г. в Ставропольской губернии [4, л. 21] и с 1871 г. в Кубанской и Терской областях [3, л. 1-1об; 15, л. 145-147]. Во многом это было связано с завершением Кавказской войны и стремлением, как центральной власти в лице императора и его правительственного окружения, так и местных властей, в первую очередь в лице наместника на Кавказе, распространить российское законодательство на всю территорию страны, включая и «национальные окраины».

Материалы и методы / Materials and methods. Авторы статьи широко использовали официальные документы эпохи, представляющие собой отечественное историко-правовое наследие. Это, в первую очередь, законодательные и подзаконные акты. Были введены в оборот материалы, как центральных, так и местных архивов, а также часть источников, опубликованных в дореволюционной печати. Особое внимание было уделено статическим материалам ежегодных отчетов Министерства юстиции Российской империи. При этом в исследовании были использованы такие научные методы, как историко-правовой, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, системного анализа, ретроспективный, статистический, количественный и др. методы. Их применение позволило достичь желаемых результатов.

Анализ / Analysis. Деятельность лиц прокурорского надзора после введения новых судебных уставов существенно изменится. В ноябре 1864 г. после длительного и тщательного рассмотрения проектов были утверждены и вступили в силу основные акты судебной реформы: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [14].

В пореформенной России второй половины XIX в., как и раньше, прокурорский надзор вверялся обер-прокурорам, прокурорам и их

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.09.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 28.12.2023.

товарищам под высшим наблюдением министра юстиции, являвшегося еще одновременно и генерал-прокурором. Однако теперь прокуроры продолжили свою работу при новых судебных институтах – окружном суде и судебной палате.

Условия назначения на должность прокурора были приравнены к условиям занятия судейской должности. Действовали имущественный и образовательный цензы. Кроме того, надо было иметь опыт работы в качестве судьи или адвоката. Например, для занятия должности товарища прокурора окружного суда требовался четырехлетний стаж, для занятия должности прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты – шестилетний стаж, для должности прокурора судебной палаты и товарища обер-прокурора – восьмилетний стаж, для должности обер-прокурора – 12-летний стаж.

При этом в соответствии с судебными уставами 1864 г. компетенция прокуроров была сужена до рамок их прямой деятельности, что, впрочем, никоим образом не снижало их роли в судебном процессе. Напротив, с введением таких новых буржуазных институтов, как адвокатура и суд присяжных, прокурор приобрел особый вес при разборе дел в окружном суде. Состязательный характер судопроизводства требовал от лиц прокурорского надзора не только серьезного знания российского законодательства, но и в определенной степени искусства судебного красноречия, от которого во многом зависело окончательное решение дела.

Напомним, что именно при окружном суде для разбора ряда уголовных дел был введен институт присяжных заседателей. И от прокурора и адвоката в значительной степени зависела судьба подсудимого. Им необходимо было доказать его виновность или невиновность присяжными, которые нередко впервые сталкивались с тонкостями судебного процесса и не были знакомы даже с элементарными правовыми знаниями.

После завершения предварительного следствия прокурор окружного суда должен был в недельный срок решить, готово ли дело для передачи в суд, а затем он обязан был

сделать заключение о предании обвиняемого суду в форме обвинительного акта. Только после этих действий прокурора окружной суд мог приступить непосредственно к производству дела.

Прения сторон в судебном заседании завершались обвинительной речью прокурора наряду с выступлением адвоката. При этом прокурор излагал «существенные обстоятельства обвинения, в том виде, в каком они представляются по судебному следствию, и заключение свое о свойстве и степени вины подсудимого». Если дело рассматривалось без участия присяжных заседателей, как это было на Северном Кавказе в первые десятилетия действия пореформенного судебного законодательства, прокурор также высказывал свое заключение и о наказании, которое он предлагал вынести суду в отношении обвиняемого.

Именно соединение в лице прокурора столь важных обязанностей, для исполнения

которых необходимы не только основательное знание законов, но и особенная деятельность и добросовестность, привела составителей судебной реформы к необходимости назначить на эти места людей юридически образованных, или доказавших свои познания по судебной части и вполне благонадёжных; иметь при каждом суде особого прокурора и предоставить лицам прокурорского надзора необходимую степень власти по надзору за производством уголовных дел [5, с. 15].

Примечательно, что уже с самого начала работы пореформенных судебных институтов региона стали возникать проблемы, связанные с объективными причинами. Одной из главных являлся рост населения в административно-территориальных объединениях Северного Кавказа и, как следствие, рост преступности на Ставрополье, Кубани и Тереке в первые годы действия пореформенного судебного законодательства (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сведения о числе некоторых уголовных преступлений, совершённых на Кавказе в 1871–1876 гг. [6] / Information on the number of certain criminal offenses, committed in the Caucasus in 1871–1876 [6]

Год	Поранения и побои	Убийства	Грабежи и разбои	Изнасилования, увоз женщин, противоест. пороки и подкидывание младенцев	Фальш. деньги, контрабанда и сопротивление власти	Поджоги
Кубанская область						
1871	6	32	20	1	–	8
1872		27	50	–	1	4
1873	51	36	94	4	15	26
1874	45	50	90	15	17	42
1875	35	49	70	16	8	31
1876	34	39	91	30	10	91
Терская область						
1871	70	31	8	3	–	3
1872		21	13	1	–	1
1873	65	45	24	2		8
1874	46	22	12	3	1	1
1875	39	27	6	1	–	1
1876	38	53	13			8
Ставропольская губерния						
1871	1	11	26	–	–	1
1872		10	71	5	–	3
1873	26	14	67	7		14
1874	26	16	52	3		13
1875	29	19	56	10	–	11
1876	53	8	76	3	1	21

Совершенно разными были по составу участников и характеру рассматриваемые с

участием лиц прокурорского надзора судебные дела.

Были свои отличительные черты и в состоянии преступности в Северо-Кавказском регионе. Нельзя сбрасывать со счетов и увеличение населения. Криминальная ситуация осложнялась с каждым годом, о чем свидетельствуют показатели роста числа дел в окружных судах Северного Кавказа, а следовательно и увеличение числа преступлений.

Если взглянуть на характерные преступления, совершаемые местным населением в первые годы после введения новых судебных уставов, то мы увидим, что среди них были поранения и побои, грабежи и разбои, убийства и поджоги. Такой характер преступлений объяснялся особенностями региона, о чем свидетельствует то, что вопрос о разбоях и грабежах продолжал остро стоять и в 80-90-х гг. XIX в. Однако правительство не считало ситуацию на Северном Кавказе настолько серьезной, как в других областях Кавказа. В качестве аргумента указывалось на то, что один разбой в Ставропольской губернии приходился на 39000 человек, а убийство на 29000 человек, тогда как в Закавказье разбой приходился на 5200, а убийство на 2400 жителей.

В действительности все обстояло далеко не так хорошо, как указывалось в данных по вопросу о деятельности судебных органов Северного Кавказа. Русское население Северного Кавказа преобладало над местными горскими народами, составляя к концу XIX в. 3001759 человек или 82 % от общего числа населения [7, л. 53]. Этот факт являлся весомым аргументом в пользу того, что разбои и грабежи, присущие в рассматриваемое нами время, по оценкам современников, в большей части горскому населению, должны были, в связи с указанными выше цифрами, составлять гораздо меньшее число, чем, например, в Закавказье. Сообщения газет тех лет буквально пестрят известиями о разбоях и грабежах, совершаемых как единолично, так и мелкими преступными сообществами.

В отчетах начальников областей Северного Кавказа многократно делались одни и те же выводы о необходимости усиления борьбы с кражами лошадей и домашнего скота. Имеются неоднократные упоминания о совершении этих преступлений и кочевыми инородцами, и калмыками Астраханской губернии, и жителями Терской и Кубанской областей, в которые и отправлялись похищенные лошади, скот и другое имущество.

Примечательно в этом плане выводы, к которым пришла еще одна ревизия, проведенная генерал-лейтенантом Д. Скалоном, которому было поручено помимо расследования сложившейся ситуации в этой области выяснить причины разбоя на Кавказе и наиболее эффективные методы борьбы с ним. По возвращении в данном им военному министру рапорте от 18 января 1899 г. генерал-лейтенант указал, что выявленная им картина суда поразила его своими мрачными красками. По его мнению, наблюдался прогрессивный рост преступности, связанный не только с внешней стороной дела, но и с упавшей «нравственностью населения» [7, л. 34].

Еще раз подчеркнем, что преступность не носила исключительно национальный характер и была характерна для всех слоев населения. Она могла лишь варьироваться по видам и характеру преступлений.

Рассмотрим и проанализируем несколько документов, наиболее ярко характеризующих сложившуюся ситуацию в системе правоохранительных органов в целом, и в деятельности прокурорского надзора, в частности.

25 сентября 1874 г. управляющий министерством финансов П. Шамшин докладывал управляющему делами Кавказского комитета по вопросу о возможном усилении окружных судов, мировых учреждений и прокурорского надзора на Северном Кавказе, поднятому ранее Кавказским наместником. Последний мотивировал необходимость в этом значительным поступлением уголовных и следственных дел.

Среди целого ряда приводимых статических данных для нас наибольший интерес представляют сведения о числе дел, поступивших в органы прокурорского надзора (см. табл. 2) в означенный в докладе период.

Таблица 2 / Table 2

Сведения о движении дел в прокуратурах Северного Кавказа в 1872 г. [9, л. 31] / Information on the progress of cases in the prosecutor's offices of the North Caucasus in 1872 [9, л. 31]

Округ	Количество дел
Ставропольский	1 547
Владикавказский	1 020
Екатеринодарский	2 105

Учитывая, что на каждый из окружных судов было назначено штатным расписанием по 3 товарища прокурора (заместителя), то в среднем на каждого из них приходилось еже-

годно: по Ставропольскому округу – более 515 дел, Владикавказскому – 340 дел и Екатеринодарскому – более 701 дела. Исходя из сложившейся ситуации Кавказский наместник просил увеличения штатов числа товарищей прокурора по округам в числе 5-ти – для Ставропольского, 3-х – для Владикавказского и 6-ти – для Кубанского [9, л. 33 об].

Проанализировав ситуацию и сравнив ее с другими областями империи и деятельностью в них органов прокурорского надзора, управляющий министерством финансов соглашался с частичным решением вопроса об усилении штатов. Он предложил увеличить число товарищей прокурора в Екатеринодарском округе – до 3, Ставропольском – до 2 и Терском – до 1. Выделяемое содержание на них должно было составить в 1875 г. по 15 000 руб. в год, в т.ч. из государственного казначейства 7 125 руб. и 7 875 руб. из войсковых сумм. Предложения об увеличении сумм на канцелярии прокуроров были отклонены [9, л. 35].

21 января 1875 г. на имя управляющего делами Кавказского комитета поступил ответ о ходе рассмотрения в Военном совете представления Главного управления иррегулярных войск по ходатайству Наместника Кавказского об усилении штатов полицейских и судебных учреждений Кубанской и Терской областей.

Начальник Главного управления генерал-лейтенант Богуславский, изучив вопрос, в частности, констатировал то, что требуемое увеличение этих штатов служащих было связано в значительной мере с «неустройством края, обширностью его территории, затруднительностью сообщений и присутствием разноплеменного, горского населения, склонного к грабежам разбоям и затрудняющего вместе с тем, по незнанию русского языка, действия полиции и производство следствий и суда, так что каждое дело требует для его окончания вдвое больше времени, чем нужно в подобных случаях между русским населением» [9, л. 36].

Отметим сразу, что неоднократно проводимые инспектирования Северо-Кавказского края очень часто заканчивались подобными выводами, но авторы составляемых впоследствии аналитических записок не раз объясняли в них причины проявления и роста преступности со стороны горского населения. Большая часть совершенных ими преступлений объяснялась не только традициями и обычаями, но и сложным эко-

номическим положением, в котором находились многие из них.

Потребовались годы, а порою и десятилетия, чтобы ситуация стала нормализовываться в регионе. Во многом этому способствовало распространение грамотности и знания русского языка, что приводило к возможности вливания местной экономики в общероссийский рынок. Соответственно и разрешение вопросов и споров в пореформенных судах стало более доступным для местного населения, особенно когда это касалось «смешанных» дел между представителями горского и казачьего населения, городских и сельских жителей и т.п.

По штату 30 декабря 1869 г. на содержание окружной и мировой юстиции были определены следующие суммы расходов:

- 116 468 руб. из государственного казначейства;

- 113 322 руб. из казачьих сумм.

Эти суммы не кажутся такими значительными, когда мы их соотносим с общими суммами войсковых капиталов казачьих областей:

- 3 491 167 руб. в Кубанской области;

- 435 973 руб. в Терской области.

Но при этом наблюдался дефицит между расходами и доходами: на Кубани в размере 64 954 руб., а на Тереке – 27 554 руб. Причем такая ситуация в финансах прогнозировалась как минимум на ближайшие 4 года.

Примечательно, что расходы государственного казначейства были частично возмещаемыми за счет гербовых и судебных пошлин, в то время как казачьи производились на безвозвратной основе. Это было достаточно обременительно для «капиталов» Кубанского и Терского казачьих войск [9, л. 36 об.].

Представляет интерес еще один аналитический «Отчет о ревизии некоторых административных учреждений Кубанской области, произведенный командированными по высочайшему повелению генерал-лейтенантом Нарбутом и в помощь ему полковником Баранком», составленный 25 июля 1892 г. [8]

Примечательно, что поступающие в Областное правление дознания, а также судебные дела с заключением прокурора и постановлениями атаманов отделов о предании окружному суду должных лиц за «лихоимство, подлоги, взятки, растрату сумм, упуск арестантов» и совершение целого ряда других преступлений, без каких-либо уважительных причин оставались без движения по несколько лет. Ко времени ревизии в Областном прав-

лении оказалось 2 980 нерешенных «судных дел» (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Сведения о числе нерешенных судебных дел должных лиц в Областном правлении Кубанской области [8, л. 3] / Information on the number of unresolved court cases of officials in the Regional Board of the Kuban Region [8, л. 3]

Год	Количество дел
1876	1
1879	4
1880	8
1881	5
1882	14
1883	22
1884	63
1885	106
1886	166
1887	240
1888	493
1889	660
1890	598
1891	600

Фигурантами по этим делам выступили должные лица управлений отделов, полицейских управлений и других ведомств, вплоть до станичных атаманов. К моменту ревизии оказалось, что часть из поступивших дел из-за истечения срока давности вообще не может быть рассмотрена, о чем сообщили лица прокурорского надзора, законно сославшись на ст. 158 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

При ревизионной проверке обозначенных выше 2 980 дел был составлен реестр из 782 наиболее серьезных дел о злоупотреблениях должностных лиц. Среди наиболее выделяющихся из них были следующие дела:

- дело о подлогах, растрате и лихоимстве полицмейстера г. Ейска есаула Бабича и пристава того же города Могилевского (к моменту ревизии последний уже умер);
- дело о растрате 4 202 руб. 42 коп. бывшим полицмейстером г. Анапы подполковником Яновским и приставом Осадшим;
- дело о подлогах, растрате и других злоупотреблениях бывшего Баталпашинского уездного начальника статского советника Розальон-Сошальского;
- два дела о предании суду пристава г. Темрюка Будзинского за сокрытие денежных книг и подлоги с корыстной целью, а также за растрату казенных сумм;
- дело о лихоимстве есаула Булавина при приведении в исполнение приговоров

суда, когда указанный офицер за взятки уменьшал арест, назначаемый по приговору окружного суда, и ложно доносил о приведении его в исполнение [8, л. 4].

Кроме указанных фактов и дел по ним, в ходе производимой ревизии были выявлены дела, которые Областным правлением были незаконно прекращены.

Наиболее ярким из таких стало дело о злоупотреблениях, лихоимстве, растрате и пологах отставного войскового старшины Соляника-Крассы – по должности смотрителя рыболовного участка. В ходе ведения этого дела возникло «пререкание о подсудности», которое было окончательно решено командующим войсками отнесением его к гражданскому судопроизводству. После завершения следствия прокурор окружного суда сообщил Областному правлению заключение о предании подсудимого окружному суду. Областное же правление, не уведомив об уже вынесенном решении командующего войсками округа, передало дело на новое заключение военному прокурору Тифлисского военно-окружного суда. Последний дал заключение, что это дело из-за недостаточности улик подлежит прекращению, что собственно Областное правление в скором времени и исполнило.

Установив все вышеизложенные факты, ревизионная комиссия особо отметила, что Областное правление, зная о бывших пререканиях и повторно направив дело в другую инстанцию, даже не сообщило прокурору Екатеринодарского окружного суда о принятом ею решении. В свою очередь, как отметили проверяющие, военный прокурор Тифлисского военно-окружного суда неправильно принял дело, по которому уже было вынесено решение прокурора Екатеринодарского окружного суда, в то время как был обязан передать обвиняемого окружному суду или, в случае несогласия с заключением прокурора, должен был представить дело в Правительствующий Сенат [8, л. 4об–5].

В связи с выявленными многими фактами нарушений в перечне замечаний, сделанных ревизионной комиссией, прозвучали и те, которые были указаны от лица органов прокурорского надзора. В частности органы прокурорского надзора потребовали, чтобы распоряжения о предании суду лиц станичного управления и назначение следствия по ним делались «не иначе, как по постановлению Областного правления», что соответствовало бы законному порядку, установленному решением Прави-

тельствующего Сената 1875 г. по частному делу. При этом по каждому из таких возникших дел прокурорские работники вынесли требование о составлении журнала [8, л. 6 об].

Мы привели этот пример, косвенно затронувший и лиц прокурорского надзора, для того, чтобы показать насколько многогранной была их работа в Кубанской области.

Не менее сложной по объему была работа и лиц прокурорского надзора Терской области и Ставропольской губернии, о чем свидетельствуют неоднократные доклады и отчеты с мест. Принесли свои результаты и неоднократные обращения о необходимости увеличения состава служащих прокурорского надзора региона (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Личный состав служащих прокурорского надзора по округам Северного Кавказа в конце XIX в. / Personnel of prosecutorial supervision employees by district of the North Caucasus at the end of the 19th century

Год	Прокурор	Товарищей прокурора	Участковых товарищей прокурора	Секретарь при прокуроре
Кубанская область				
1871	1	3		1
1885	1	6		1
1890	1	7		1
1895	1	10		1
1900	1	13		1
Терская область				
1871	1	3		1
1885	1	5		1
1890	1	5		1
1895	1	6		1
1900	1	6		1
Ставропольская губерния				
1868	1	2		1
1885	1	5		1
1890	1	5		1
1895	1	5		1
1900	1	6		1

*Таблица составлена авторами на основании [1, 2, 10-14].

Хотя нагрузка на лиц прокурорского надзора не ослабевала и, напрямую завися от роста преступности и возникновения уголовных и гражданских дел, ложилась на уже увеличен-

ные, но продолжающие требовать дальнейшего усиления, штаты прокурорских работников и служащих (см. табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Сведения о деятельности лиц прокурорского надзора в Кубанской и Терской области в конце XIX в. / Information on the activities of persons of prosecutorial supervision in the Kuban and Terek regions at the end of the 19th century

Год	Количество дел			
	Оставалось	Возникло	Решено	Осталось
Кубанская область				
1890	182	3405	3587	-
1895	3	5413	5407	9
1900	-	6300	6296	4
Терская область				
1890	-	1808	1808	-
1895	4	2475	2479	-
1900	-	3148	3148	-

Таблица составлена на основании отчетов Министерства юстиции за 1890, 1895 и 1900 гг. [11-14].

Результаты / Results. Несмотря на эти и целый ряд других трудностей в повседневной

работе лиц прокурорского надзора в административно-территориальных образованиях Се-

верного Кавказа, они продолжали участвовать в судебных заседаниях и контролировать деятельность судебных органов. Учитывая это, следует признать, что, несмотря на рост преступности в стране, недостаточный личный со-

став для участия в решении такого количества дел, органы прокуратуры, отличаясь эффективной и в значительной степени качественной работой, вносили существенный вклад в установление правосудия в Российской империи.

Литература

1. Высочайше утверждённый 30 декабря 1869 г. штат судебных установлений в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 3-е. 1869. Приложения. Санкт-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. С. 806.
2. Высочайше утверждённый 9 декабря 1867 г. штат Ставропольского окружного суда // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLII. Отделение 2-е. 1867. Санкт-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1871. С. 798.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 482. Оп. 1. Д. 36.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.398. Оп. 3. Д.137.
5. Учреждение судебных установлений. Издание неофициальное / сост. Н. Шрейбер. СПб: Сенатская типография, 1910. 763 с.
6. Обзор нечаянных смертных случаев, самоубийств и уголовных преступлений в Кавказском крае за 1871-1876 гг. // Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Изданный под ред. главн. ред. Кавк. стат. комитета Н. Зейдлица. Тифлис: Типография Глав. Управления Наместника Кавказского, 1878. 610 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 46. Д. 1209.
8. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 379^б.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268 Оп. 19. Д. 118.
10. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1884 и 1885 гг. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1887. 188 с.
11. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 11. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1895 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1896. 216 с.
12. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 16. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1900 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1901. 233 с.
13. Сборник статистических сведений Министерства Юстиции. Выпуск 6. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1890 г. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1891. 148 с.
14. Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1, 2. Судебные уставы. СПб: б.и., 1892. 728 с.
15. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ГЦА РСО-Алания). Ф. 11. Оп. 52. Д. 14.

References

1. The staff of judicial institutions in the Kuban and Tersk regions and the Black Sea District, most highly approved on December 30, 1869 in The complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRE). The second collection. Vol. XLIV. Department 3-E. 1869. Applications. St. Petersburg: Printing house of the II-th department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1873. P. 806. (In Russ.).
2. The staff of the Stavropol District Court, most highly approved on December 9, 1867 in PSZRE. The second collection. Vol. XLII. Division 2-E. 1867. St. Petersburg: Printing house of the II-th department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1871. P. 798.
3. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 482. Inv. 1. D. 36.
4. GASK. F.398. Inv. 3. D.137.
5. Journal of the United Departments, 1862, No. 65 in Establishment of judicial institutions. The publication is unofficial /compiled by N. Schreiber. St. Petersburg: Senate Printing House; 1910. 763 p.
6. Review of accidental deaths, suicides and criminal offenses in the Caucasus region in 1871-1876 in Collection of information about the Caucasus. Vol. IV. Published under the ed. main ed. Kavk. stat. the Committee of N Seydlitz. Tiflis: Administration of the Governor of the Caucasus; 1878. 610 p.
7. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 330. Inv. 46. D. 1209.
8. RGVIA. F. 330. Inv. 61. D. 379b.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268 Inv. 19. D. 118.
10. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 1. Information on the personnel and activities of the judicial institutions of European Russia for 1884 and 1885. St. Petersburg: Printing House of the Ruling Senate, 1887. 188 p.

11. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 11. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1895. St. Petersburg: Printing House of the Government Senate, 1896. 216 p.
12. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 16. Part 1. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1900. St. Petersburg: Printing House of the Ruling Senate, 1901. 233 p.
13. Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 6. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1890. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate, 1891. 148 p.
14. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 16. Part 1, 2. Judicial statutes. St.Petersburg: B.I.; 1892. 728 p.
15. The Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (GCA RSO-Alania). F. 11. Inv. 52. D. 14.